

серия
Supremum{versus}

Дмитрий Масленников

пятое
время года

Уфа

VAGANT®

2009

УДК 882–1
ББК 84(2Рос=Рус) 6–5
М 31

Редакционная коллегия серии «Supremum {versus}»:
Вахитов С. В., Горюхин Ю. А., Кривошеев А. В., Фролов И. А.,
Чураева С. Р.

Масленников Дмитрий.

Пятое время года [Текст]. – Уфа : Вагант, 2009.
– 84 с. (Supremum {versus})

Об авторе:

Дмитрий Масленников (ДБ) – к.филол.н., доц., руководитель ЛИТО «Тысячелистник» (БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа).

Сборник поэтических текстов Д. Масленникова, отобранных из массы масленниково-текстов классиком и отцом-основателем «Союза Ветеранов Бруновского Движения» («СВБД») Е. Крашенинниковым (Москва), представляет собой книгу, предлагаемую читателю для прочтения.

Безгонорарное издание.

Редколлегия и авторы выражают благодарность ректору БГПУ им. М. Акмуллы Р. М. Асадуллину.

Серия «Supremum {versus}» включает в себя отборную поэзию города Уфы и ее культурных окрестностей конца XX-начала XXI вв.

Отбор имен – прозаики Юрий Горюхин, Игорь Фролов.

Авторы серии:

Аршинов Аркадий, Банников Александр, Богданов Вадим, Кривошеев Алексей, Масленников Дмитрий, Плотникова Марианна, Семь девушек (башкирская современная поэзия, билингва), Хвостенко Светлана, Чураева Светлана, Юдин Андрей, Яковлев Анатолий и др.

ISBN 978-5-9635-0194-8

© Дмитрий Масленников, 2009
© Вагант, 2009

ДРУГОЙ МАСЛЕННИКОВ

Надоело писать предисловия о Масленникове. Напишу-ка лучше о себе.

Был момент, когда я был хорошим поэтом. Это было в начале 2000-х лет. Я был хорошим поэтом не потому, что мог написать хорошие стихи – это-то, слава Богу, я и сейчас могу, хотя и не пробовал лет десять уже.

Тогда, на взлёте тысячелетия, я нашёл своё – я начал писать так, что стал узнавать себя в своих стихах – и не перепутывался ни с кем.

Кстати, знакомо ли вам это состояние: вертится в голове строка – смакуешь её, повторяешь – классно! здорово же придумал! – А потом дня через два вдруг пронзает: тьфу! – да это же строчка из Хорина!!!

А вот тогда – когда я нашёл себя – я ни с кем не мог себя перепутать. Я знал – это моя строчка. Прекрасное чувство.

Но где же стихи, которых я не написал? Почему, если нашёл себя, не несёшь этого себя в поэзию и жизнь – которая поэзия?

Не потому, что это моё оказалось кучей нечистот – ни в коем случае! – оно было прекрасно.

И вот здесь начинается разговор не о поэзии и тем более не о сочинении хороших стихов – а о поэте. Потому что поэт – это не тот, кто может написать хорошие стихи

Зачем мы читаем стихи? Чтобы узнать человека. Не себя – нет-нет: ради глупости обнаружения своего в чужом не сто-

ит тратить времени. Зачем ехать в другую страну, в другой мир, чтобы узнать, что там то же самое? Бессмыслица и трата денег. Читаем стихи мы, чтобы обнаружить другого.

А этот другой может быть разный. Это может быть я. Забавный. Интересный. С подвывертом. И всегда такой. И читая третье стихотворение, ты понимаешь, что где-то сейчас начнётся интересный подвыверт для забавы. И поэтому я не поэт. Пошёл вешаться.

А поэт – Масленников – потому что он не похож сам на себя. Потому что он разный. Потому что непредсказуем. А разный он не потому, что меняется – а потому что в нём очень много всего. И это многое – не такое, как у меня – да и у вас тоже, хотя и я и вы очень оригинальны и многообразны – но...

Ну и стихи Масленников к тому же хорошие пишет.

Вешаться не буду.

*Евгений Крашенинников,
Саморядово (налево по плохой дороге),
июнь 2009-го*

Мой каждый день закован в латы.
За часом час, за стихом стих
Святой Грааль, как символ правды,
Ищу, забрало опустив.
Найти... Забыть... Но прахом слиться,
Когда одним ненастным днем
Мои надежды Черный Рыцарь
Пронзит уверенным копьём...

День начинается с вина –
Не так уж плохо...
Была Москва похожа на
Захер Мазоха.
И тело собственного сна
Секла вожжами...
День начинается с вина,
Зима – дождями...

С.М.

Я хочу, чтобы выпал снег...
Упираются стрелки в восемь.
Мне уже надоела осень,
Разноцветье осин и сосен,
Умирающее во сне...
Безупречно идут часы,
Еле-еле цедя минуты,
Золотые монеты будто,
Только встретятся, верю в чудо,
Евы дочь и Адама сын...
Без тебя я умру... Но нет –
Я хочу, чтобы выпал снег...

С.М.

Когда твои читаю письма,
Вскрываю вены,
Когда с друзьями напилась мы,
Вскрываю вены,
Кровяня лес, рябину выжму –
Вскрываю вены,
Когда нет выхода из жизни,
Вскрываю вены...

Е.К.

Вагон обрыган... Я – тверез,
Хоть литр употреблен на пару.
Я еду в естестве кошмара,
Я, освященный нимбом звезд...
Плевать!.. И пеплом звезды пали,
В ушах усиливая звук.
Вонзив полоску белой стали,
Покажем им!!! Вот так-то, друг...

Женщина была старая...
В джинсах... На каблуках...
Сорок, не меньше... Зарево
Вечности на губах –
Старыми клоунессами...
Серьги, кольцо, меха.
И зазывала жестами...
Вот ведь бывает как...

С.М.

На станции метро стою у бровки
(Страна уснула. Спишь в Уфе и ты.)
За семь минут до полночи московской
На остановке «Чистые Пруды»...

С.М.

Я так устал, что водка не брала,
А лишь привычно обжигало горло...
В вагоне от кого-то потом перло,
И было гадостно... Такие вот дела...
Но время, замерев, рвануло вспять,
И я, смешным мальчишкою лохматым,
Опять в тебя влюбился как когда-то...
Нет... Ничего... Пораньше лягу спать...

Была попутчица тиха.
Вагон неистово качало...
Все это не располагало
К любви, портвейну и стихам...
Я засыпал... В потоке снов
Попутчицы являлось тело...
Ей так безудержно хотелось
Любви, портвейна и стихов...

Снова утро. Под ребрами сердце упруго.
Ось вращает зима... Папиросы дурман.
И только случайно залетевшая муха
Возвращает в реальность дерьма...

Если не вином, то сладеньким чаем
Мне казался хлорированный водопроводный сироп,
Когда ошептывая, поцелуями молчаля,
Я твои губы укутывал в одеяло из слов...
И когда, заходясь в эпилептическом припадке,
Я упал на колени – слова пеной у рта...
Ты сказала: «Знаешь, чай твой несладкий...
Мне кажется, это просто водопроводная вода...»

Жили врозь. В месяц раз были вместе, и
Каждый уходил, познавши свое...
Вот так живут люди, не знающие поэзии,
Вот так живут люди, уставшие от нее...

Разве можно написать что-нибудь путное,
Когда все время навеселе?..
Я знаю, счастье исчисляется минутами,
Которые тают, как сосульки в тепле.
И когда, пытаясь остановить его,
Я споткнулся губами о губы твои,
Это было сделано по наитию,
Это был приступ Вселенской Любви...

Столица... Подворотни – преисподнями:
Пьяные подростки, дорогое бл*дьё...
Я ногами утапывал, если падало под ноги,
Мое исходно-провинциальное чутьё...

Мой город

Шапку – на лоб суетливо,
Дверь закрываю ключом...
Пахнет бензином и пивом
В городе сонном моем.
Сны распугаю я дымом,
Тьму разгоню огоньком...
Пахнет бензином и пивом
В городе темном моем.
И в толкотне торопливой
Жамкнут в трамвае плечом...
Пахнет бензином и пивом
В городе людном моем.
Плачет мальчишка сопливый
За деревянным ларьком...
Пахнет бензином и пивом
В городе странном моем.
Мимо красавиц блудливых,
Скромно сверкая кольцом...
Пахнет бензином и пивом
В городе тайном моем.
Лед, помогая светилу,
Дворник долбает кайлом...
Пахнет бензином и пивом
В городе звонком моем.
День, как обычно, без срывов
Скачет веселым мячом...
Пахнет бензином и пивом
В городе светлом моем.

И возвращаюсь счастливый,
Господи, что же со мной?
Пахнет бензином и пивом,
Значит, так пахнет весной!...

Лобное место

После снегопада до дворничих скребков
Вы бывали ночью у Блаженного Василия?
Маховиков механика под скрип скоб
На Спасской откашливается... Были?
Была белой Красная площадь сплошь...
Золотые купола – белы... Стою... Большею...
И какая-то неосознанная генетическая дрожь
Колотила, зарождаясь у основания шеи...
Заблудившийся спутник очередной виток,
Как по бритве, по месяца косе акробатил.
И некто волосатый, бессердечный никто
Устраивался спать за Мавзолеем сзади...
Но курились Курилы, был сер Цейлон,
Полысело солнце над лесами Лесото...
И я открыл грудную клетку, чтобы сердце – вон,
А его не было... И только пятки жгло что-то...

Встреча

«Помолись, если сможешь»,— с улыбкой сказал капитан.
Я молился, но как же укрыться от солнечных стрел?!
Капитан пошутил, а потом приговор прочитал:
«Помолись до утра, дорогой, на рассвете расстрел...»
Пыльный двор и от пуль непопавших щербатый кирпич...
Вот и все... Раньше времени вышел положенный срок.
Курит взвод в стороне, только вижу ... мой друг закадычный
Старый школьный приятель Серега слюнявит бычок!
Восемь лет протирали штаны мы за партой одной,
Он уехал потом и куда-то потом поступил...
Вот так встреча досталась, дружок, перед этой стеной.
Он увидел, узнал, побелел и бычок уронил.
...Ты меня из беды выручал, ты же помнишь, Сергей!
А теперь мне осталось каких-то 15 минут,
А теперь все прошло... Не тушуйся, дружок, не робей:
Все в порядке, Серега, я даже тебе подмигну...
...Просыпается все. Отражается солнце в стекло...
Станет двор этот пыльный последним моим рубежом.
...Я уверен, я знаю, что в теле пробитом моем
Будет дырок поменьше, а это уже хорошо!
А ведь осень! Деревья в морозном стоят серебре...
Командирское зычное: «Товсь!!!»— и слова не нужны.
...Вижу чистого неба лоскут, вижу солнечный свет...
И осталось всего-то два робких глотка тишины...

С утра Луна в меня палила,
А жажда – в глотку, как шакал...
Я безымянным исполином
Сквозь город в вечер прошагал.
...Три литра пива, литр водки...
Поговорить? Изволь, дружок...
Мне не в первой снимать колготки
С до боли незнакомых жоп.

Так вышло, что дома – шаром покати: ни денег, ни водки,
Лишь комом стояло у горла желание выпить,
А жилки давили виски, и ударами короткими
Посылало сердце к губам подобие улыбки...

Удар был нанесен до гениальности просто,
Я даже не сомневался: попал – не попал...
На пропитанном жаром асфальте перекрестка
До полудня серебрилась яичная скорлупа...

Среди таких безукоризненных машин
Лежал, изломанный, на площади вокзальной,
Небес высоких отражая синь
Бесмысленно-прекрасными глазами...

Под небом, выгнутым дугою,
Неравномерные шаги
Отмеривая, я погиб,
В подвздошину добит любовью.
И не ошиблась ворожея,
Что предрекла, не взявши медь,
Так искренне не верить в смерть
И умереть без воскрешенья...

Ленивый ход полуночных часов
В кольцо нуля минут смыкает время.
Скрестившись, стрелки целятся в висок,
Но попадают, неизменно, в темя.
Втемяшилось: не подличай, не лги...
Подсчитывая плюсы и потери,
Я не любитель отдавать долги,
Я профессионален в этом деле.
Ленивый ход полуночных часов...
Свеча... Прохлада... Лестница витая...
Скрестившись, стрелки целятся в висок.
Не попадают...

Тащила налево троллейбус
В кармане застрявшая штука,
Водитель в режиме моно
Выруливал, матерясь...
Блевало за окнами лето
Дождем, тополиным от пуха,
И черная сотня ОМОНа
Месила ногами грязь...

Был вечер таким коротким,
А третья-то в сумке, стерва.
Вторая бутылка водки
Пошла куда хуже первой.
Но полночь выпита залпом...
Я умер... Настало завтра...

Я бросил в любовь трепещущий страх
Моих крыльев, вспыхнувший папиросной бумагой.
А ты грела руки в отсветах костра,
Улыбаясь, как Томазо Торквемада...

Ток крови скромно, крадучись, слабел,
Пульсирующие телодвиженья
Перетекали в злые отраженья
На шитый красным шелком гобелен.
В стекле фосфорицируя в тепле,
Все шире, шаловливей, совершенней
Кругами расплзался центр мишени
На гибло-локтевом изгибе вен...

Рваная рана – ворот расстегнутый.
С кровью душа выходила горлом,
Выползая, она зацепилась за ребра,
Вывернув меня на очков битые стекла.
Глаза в пыль закатаны, губы надкушены...
Как бес била полночь ногой в ребро.
Теплой кровью задушен, я цеплялся за душу,
Пытаясь затолкать ее обратно в рот...

Отперты двери –
Нас окружает зверье,
Башен из стали
В небо нацелен вылет...
Просто мы верили,
Что никогда не умрем,
И умирали
Так же нелепо, как жили...

Стекла осколок, как стрела, блестел.
Он венам был роднее, чем игла,
Среди нестойкой вертикали стен
На вывернутой плоскости стола.
Страшит лишь первый взмах. Куда-то в лоб –
Сок клюквенный... Очки залиты солнцем.
А эта жидкость, та, что – в потолок...
Я взял неглубоко, она свернется.
...Собака кровь лакает на полу...
Я знаю, что сегодня не умру...

Оплачен палач. На толпы плечах
Заплаканы лица.
На третьей ступени сбивается шаг:
Сгнила половица.
Заноза от плахи вонзилась в ладонь...
Так странно и эту почувствовать боль...

Он с гильотины, как с эстрады,
Свалился на руки девиц,
Свободно превращая в падаль
На площадь падающих птиц,
Как жалом жалкого окурка...
Стволом дрожало у виска
Дыханье предпоследних звуков,
Что с кровью шло из позвонка...

Как ненасытна Земли утроба...
Ласкает лысины солнца всхлип,
И гвозди, вбитые в крышку гроба,
Меня царапают изнутри...
Всегда подтянут: ведь руки-ноги
Огнем веревки сожгло почти,
Развяжут после под плач немногих
Окоченевшего тела стих...
Шагая, сдерживали дыханье
И зацепили зеркальный шкаф...
Летело тело на лестниц камень...
Огнем гвоздики запылали
В гроб ворошиловского стрелка...

Мы опять не сошлись в цене,
Разменяв себя по копейке,
И холодное слово «нет»
Колотилось в зубах в истерике.
Бутербродом с красной икрой
Вам мои покажутся губы,
И соленое слово «кровь»
Потечет теплою струйкой...

Длинноногая серна –
Винторогая грусть,
Винторогая стерва,
Длинноногая мразь...
Разлиновано небо
Укусами губ,
Зацеловано сердце
Уколами глаз.
Сотней стертых сестерциев
Куплен – ты скуп...
Сестры сонного племса
Форсируют фарс.
Отриховано небо
Улыбками губ,
Всполовинено сердце
Лавинами глаз...
Шире шорох шеренги
Винтовочных дул:
На второй и на первый...
Затворами клац...
И в тоскливое сердце –
Из потасканных губ,
И в убитое небо –
Из бойницы глаз...

Сентябрь блондинился по-лисьи,
Кружа добычу по Уфе...
И сладкий запах прелых листьев,
И мысль об аутодафе...

Мне от чтения стихов не становится хуже...
Расставляя шагов крепкосотканый трал,
Я достаточно пьян и к тому же простужен,
Чтоб считать этот дождь порождением добра.
Под ногами в стекло превращается небо,
Я шагаю по лужам простывшей воды...
Это значит, сентябрь – желтоликий калека
Проиграл декабрю свой последний костыль...

Когда на Земле воцарится покой,
Когда львы и олени к ручью придут напиться,
Когда прервутся бои нескончаемых войн,
Я умру с перепоя в психиатрической больнице.
И случится, что звезды взбесятся,
Вниз попадают с небосвода...
На исходе седьмого месяца
Тысяча девятьсот девяносто девятого года...

Сушка на солнце

Был вечер слеп, как изумруд в оправе,
Зря поцелуев первых воровство
И на губах вздувалось пузырями,
Как лужи на булыжной мостовой.
Блестела ночь, как золото этрусское,
Зрачок Луны сводил с ума оркестр,
И к пиву подавалось что-то вкусное,
Как сушка на присохшем языке...
Бред утра – стих... Росой алмазной пыли
Зияло небо сколами окон.
И облака, как бублики, катились,
Как буквы «О» из слова «молоко»...

Рукопожатия резки,
Перстень в перстах утонет...
И убитые пальцы руки
Бессильно повисли с ладони...

Е.К.

И мне опять под сердце колет
Небес расколотых раскат –
Стих, порожденный алкоголем
В моих прокуренных мозгах...

Я опять не проснулся утром:
Воскресения выпит литр...
И замкнулось спасательным кругом
Мне на шее кольцо петли...

Я и сплю, и не сплю,
А, возможно, я брежу,
Вероятно, я пьян,
Перебрал анаши...
Отпускаю свою
Золотую надежду,
Только, кажется, зря –
Я пока еще жив...
Я опять не о том,
Но не надо смеяться –
Оставаться нетленным
Вероятность мала.
Я в подъезде пустом
У квартиры «13»
Откупоривал вены
Осколком стекла...

Е.К.

Птица влет и солнце на восходе...
За стаканом старого «Шабли»
Вспомнил я, как был убит в походе
На священный град Иерусалим...
Снова хмуро пасмурное утро.
Я (сегодня вспомнилось во сне)
Был застрелен в сердце метким буром
В англо-бурской давнишней войне...
В зеркале – жестокосердный профиль,
В сердце – зазеркалие троит...
Вспоминаю я за чашкой кофе
Все реинкарнации свои...

Часы о двенадцать споткнулись,
И завтра подкралось как тать.
Запрятана в клетку грудную
Врожденная тяга летать.
Растят неродные запчасти
Размах установленный крыл...
И сердце, открытое настезь,
За пазухой камень прикрыл.
Времен не скрежещут скрижали...
Прорвавшись стилетом сквозь ночь,
Октябрь поперхнулся дождями,
Рассветом харкнув на окно...

С.М.

Когда раскаиваться поздно,
Когда закончатся бои,
Нам старость суетного полдня
Покой дарует на двоих.
Исправно дни сменяют ночи,
А ночь разменивает день...
И жизнь – всего лишь пара строчек,
Не напечатанных нигде...

Е.К.

Меня опознают по шрамам
Истерзанных бритвою рук,
По спиртом прожженной гортани,
По горькому привкусу губ,
По плоскости стоп плоскостопых...
И я – среди легших костями,
Сгоревших в горниле крестовых
Походов во славу любви...

С.М.

Сегодня молчание – четырежды золото,
Ведь на голову падают не облака,
А потолок, отразивший в себе клетки пола,
И пол, отразившейся в белизне потолка.
Сегодня слово втройне серебряно,
Хоть его отсылаю в неба бильярд,
Ведь, как не материальна материя,
Я не ощущаю запах твоего белья.
И еще не ведая, что это значит,
В стельку, в стенах, прозрачных для ругани,
Сегодня я вдвойне однозначен,
Одинокий, как ботинок на подоконнике кухни...

Рассуждая о снах, о погоде,
Мы друг друга имеем на «бис»...
Полчаса я стоял в переходе,
Где играл одинокий флейтист...
Знаю, мелочность нынче на в моде –
Деньги падали кружевом брызг...
Я весь день простоял в переходе,
Где играл одинокий флейтист...
Я был пьян от напитка мелодий,
И, напившись и вусмерть, и вдрызг,
...Жизнь свою я провел в переходе,
Где играл одинокий флейтист...

Солнце кактусы раскорячило,
Наг и нагл, все капканя, канкан...
Где не чачу лакают мучачос,
А стекала текила в стакан,
Где кружит звезд над крышами крошево,
Там, где тайнами манит альков,
Я, похожий, как все непохожие,
Был отравлен стрихнином стихов...

В венке поэм и стихотворений
Я полуубитомертв.
И мы с тобой занимали время,
Но время свое возьмет.
В венке поэм и стихотворений
Я полуослиновощь.
И мы с тобой проводили время,
Но время не проведешь.
В венке творем и стихопоэмий
Я полупрофилефас...
И мы с тобой убивали время,
А время убило нас...

Два стакана и банка килек
И селедки облезлый хвост...
Мне сентябрь стреляет в затылок
Желтой дробью листвы берез.
Неболужья сливая олово,
Дождь настраивает на «Сплин»:
Я свою подставляю голову
Сентябрелью рубинов рябин.
Пеннопениями стервозьими
Опечален навеселе:
Схороните меня в осени,
В не остывшей еще земле...

Двенадцать раз пробьет хитро –
Удар к удару...
Поет хрусталь, звенит стекло
Цветных бокалов.
Всех этот тихий, чистый звук
Переиначит.
И если я смахну слезу,
Она к удаче...

Бросаясь из крайности в крайность,
Пленясь красотой стиха,
Какой-то дотошный засранец
Залезет в мои потроха.
И будет копать прилежно,
Разыскивая между строк,
Откуда извечная нежность,
Извечный откуда восторг.
...Но истин жемчужные зерна
Меж прочего не отыскав,
Заштопает ниткою черной,
И будет, естественно, прав...

«...Умер проклятый метельщик, умер!..»

Снег, выметаемый дворником-ветром,
Струится, течет по земле...
Вены неевклидовой геометрией
Чертят кресты на руке...
И в междуглазие выстрелом – свет...
И, предвещая конец истории,
Улыбается дворник-сосед,
На подтяжках вися в коридоре...

Твой поцелуй моим вином отравлен,
Окровавлен, в зимы оправлен ночь...
Как нищему подай мне это право:
Быть втопанным в любви твоей говно...

Королева коралловых рифов
С белой кожей
По ночам летает на грифах
Осторожных,
Воду пьет она из ручья,
Что спадает с кручи,
Говорят, она ничья,
Невезучая,
В волосах ее – гребенка
Из платана,
А под сердцем носит ребенка
Капитана...

Городов и дорог предрассветье распутиц...
Не спасательные под глазами круги...
Я невинниц бросал и влюблялся в распутниц,
Уходил от любимых к любимым другим.
А потом узнавал про себя, что я сволочь,
В предрассветье дорог уходил налегке...
Я всё ждал, что пробьет долгожданная полночь,
И она пробивала... дыру в потолке...

После первых зимних снегопадов
Ягоды рябинные во льду...
Тёплые дожди полураспада
Осени губами я найду...
Ельника лохматое чудовище
Выбежит к рассерженным ветрам...
Разве написал я что-то стоящее,
Если нынче начал пить с утра?..
Между сентяблями и июлями
Я особый чувствую накал...
Говорят, что сказками баюньими
Очень многих я околдовал...
Долгая сменялась непогода,
А любовь – смешное время года...

Золотое зарево заката...
Имя (я запомню!) назови...
Мертвая свеча стекла на скатерть –
Алая агония любви...
Полночь опускается на плечи
Облаком табачного амбре.
Истина в вине меня не лечит:
Мне не легче – я не стал добрей...
Ели, сновидения и зимы...
Ночь печалью укрывает двор...
И моё случайное спасибо:
Never more, my dear, never more...

О, как бессмысленно красивы
В огранке стихотворной лжи
Мертворожденные порывы
Моей неумершей души...

Телометрия

«...Глазами геометра...» Е.К.

Она была пуста и ветрена,
Как треугольник равнобедренный.
На жизнь смотрел я окулярами
Квадратом с перпендикулярами,
Когда вокруг ее наружности,
Скользя, описывал окружности...
Пересекались параллельные –
Никак не шли дела постельные:
Кусты запомнили свидания
И тополя пирамидальные...
Так все сложилось исторически
Здесь, в мире тел геометрических...

Ты говорила: «Тростники сгорают без боли...»
И добавляла: «Любой пастух – пророк...»
Я шевелил остатками алкоголя
На донце перебродивших мозгов.
Ты говорила: «Посмотри, как умирают свечи:
Они плачут, но им никого не жаль...»
Твоей вселиричностью искаленный,
За окошком вечер лежал...
Но свечность вневинная опростынела,
И непослушные пальцы руки
Бросались в огонь твоего тела,
Ломкие, как тростники...

С.М.

Ты говорила: «Успокойся!
Усни, а это все пройдет...»
Но тело сковывала койка,
И стыл оскоминою лед...
Ты говорила: «Постарайся,
Еще чуть-чуть – и будешь жив...»
Я снова выжил... Белый пластырь
Напомнит про вчерашний суицид...

Он очень точно рассчитал прыжок,
Как чёртик из старинной табакерки,
В автобуса разверзшиеся дверки
Вмеряя тело чуть наискосок,
Но что-то не заладилось с утра,
И стылое автобусное чрево
Манило неумело, но не грело
И вдруг его исторгло из нутра,
Висели небеса над головой,
Был снежен день, тринадцатое, вторник,
И виновато улыбался дворник,
Его мозги счищая с мостовой...

Мир был не иной – озорной, жестяной...
Я бросил на кресло пальто...
На красное подано было вино,
На белое – водка со льдом...
На кухне гудел растревожено кран:
Мелодия шла из души...
На чёрное были бальзам и икра,
А на зелёное – «Шипр»...

Пью пиво. Курю явовскую «Приму».
Мне почему-то очень хорошо...
Есть водки литр. Поверьте, это стимул,
Чтоб вены не распарывать ножом.
Причудливая тень заката портит
Похабные рисунки на стене...
В стакан граненый наливаю водки
И пью за всех, кто помнит обо мне...

Весна... Любовь закончена абортom...
Сегодня солнцу ничего не светит...
Эксперимент по вскрытию аорты
Был завершен победою последней...

Сономатограф

С.М.

Я опять тебя видел во сне.
...Я проснулся от шелеста капель.
Дождь идет... Я один на кровати –
Я опять тебя видел во сне.
Я опять тебя видел во сне.
...Я был рядом: веселенький кадрик –
Глупый, маленький, толстый очкарик.
Я опять тебя видел во сне.
Я опять тебя видел во сне
Не бухгалтером, а королевной...
Впрочем, это пройдет...Это ревность...
Я опять тебя видел во сне.
Я опять тебя видел во сне...
Дождь лупцует деревья в потемках.
...Засыпаю...
...Мотор! Пошла пленка...
Я опять тебя вижу ... во сне...

С утра как никогда хотелось выпить,
Но я нутро оставил в дураках...
Был день как день... Обыден пули вылет...
Костюм в крови... Висок помят слегка...

С.М.

Когда меня накажет Бог,
А есть за что – и он накажет,
Тогда твои подруги скажут:
«**А** твой то был не так уж плох...»
Раз в год – бутылка на столе...
Супруг другой, но те же тапки...
И, удивляясь тишине,
Смотрю я в мир из черной рамки...

Снег... Цветы... Безлюдное спокойствие...
Я невольно замедляю шаг...
Тишина... Участок 58-мь...
Северное кладбище... Уфа...

Сделайте памятник мне:
Из земли – голова и колени:
Я утонул в дерьме
Собственных стихотворений...

Е.К.

Господи!!! Сколько строчек
И ни в одной – стиха!
Сотнями многоточий
Сыплют снега.
Время плюет нам в лица,
Когда рассудок спит...
Сердце, как битая птица,
Вниз летит...

Мирутраль

(миутрагическая миутрель)

Утро с просинью,
Мутро с просырью,
Гутро с прозвездью,
Дутро с продырью,
Жутро с просерью,
Путро с пролезью...
Так ходит, нежный, меж людей
Люби-убей...

Первое рождество третьего тысячелетия

Живое золото заката –
В мое вино...
Малюет черные квадраты
Малевич-ночь...
И проступает на иконе
Господень лик...
Я счастлив. Я сегодня понял:
Господь велик!!!

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУГОЙ МАСЛЕННИКОВ	3
Мой каждый день закован в латы...	5
День начинается с вина...	6
Я умру без тебя	7
Когда твои читаю письма....	8
Вагон обрыган...	9
Женщина была старая...	10
На станции метро стою у бровки...	11
Я так устал, что водка не брала...	12
Была попутчица тиха...	13
Снова утро. Под ребрами сердце упруго...	14
Если не вином, то сладеньким чаем...	15
Жили врозь...	16
Разве можно написать что-нибудь путное....	17
Столица... Подворотни – преисподнями....	18
Мой город	19
Лобное место	21
Встреча	22
С утра Луна в меня палила....	23
Так вышло, что дома – шаром покати...	24
Удар был нанесен до гениальности просто...	25
Среди таких безукоризненных машин...	26
Под небом, выгнутым дугою...	27
Ленивый ход полуночных часов...	28
Тащила налево троллейбус...	29
Был вечер таким коротким...	30
Я бросил в любовь трепещущий страх....	31
Ток крови скромно, крадучись, слабел....	32
Рваная рана – ворот расстегнутый...	33
Отперты двери....	34
Стекла осколок, как стрела, блестел...	35
Оплачен палач. На толпы плечах...	36
Он с гильотины, как с эстрады....	37
Клим Ворошилов	38
Мы опять не сошлись в цене...	39
Длинноногая серна...	40

Сентябрь блондинился по-лисьи...41
Мне от чтенья стихов не становится хуже...42
Когда на Земле воцарится покой...43
Сушка на солнце44
Рукопожатия резки...45
И мне опять под сердце колет....46
Я опять не проснулся утром...47
Я и сплю, и не сплю...48
Птица влет и солнце на восходе....49
Часы о двенадцать споткнулись....50
Когда раскаиваться поздно...51
Меня опознают по шрамам...52
Сегодня молчание – четырежды золото...53
Рассуждая о снах, о погоде...54
Солнце кактусы раскорячило...55
В венке поэм и стихотворений...56
Два стакана и банка килек...57
Двенадцать раз пробьет хитро...58
Бросаясь из крайности в крайность...59
Снег, выметаемый дворником-ветром....60
Твой поцелуй моим вином отравлен...61
Королева коралловых рифов...62
Городов и дорог предрассветье распутиц...63
Пятое время года64
Зима по имени N65
О, как бессмысленно красивы....66
Телометрия67
Ты говорила: «Тростники сгорают без боли...»68
Ты говорила: «Успокойся!..»69
Он очень точно рассчитал прыжок...70
Мир был не иной – озорной, жестяной...71
Пью пиво. Курю явовскую «Приму»...72
Весна... Любовь закончена абортom...73
Сономатограф74
С утра как никогда хотелось выпить...75
Катарсис76
Снег... Цветы... Безлюдное спокойствие...77
Сделайте памятник мне...78
Господи!!! Сколько строчек...79
Мирутраль80
Первое рождество третьего тысячелетия81

Дмитрий Масленников

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Публикуется в авторской редакции

Художник: *М.А. Плотникова*

Верстка: *К.А. Шанин*

Vagan+ 2009

Подписано в печать 22.06.2009. Формат 60X84/16.

Компьютерный набор. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. – 5,2. Уч.-изд. л. – 5,0. Тираж 1000 экз.

Заказ №239.

ООО «Вагант»

450076, г.Уфа, ул. Коммунистическая, 22 а

E-mail: salavatv@rambler.ru